

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Калинина Ольга Владимировна

**Православная традиция в культуре русских и сето (сету) Печорского
района Псковской области во второй половине XX – начале XXI в.**

Специальность 5.6.4. Этнология, антропология и этнография

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена на кафедре этнологии исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель

Казьмина Ольга Евгеньевна,
доктор исторических наук, доцент

Официальные оппоненты

Загребин Алексей Егорович,
доктор исторических наук, профессор РАН,
Институт этнологии и антропологии имени
Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, и.о. директора

Беглов Алексей Львович,
доктор исторических наук,
Институт всеобщей истории РАН, Отдел
Новой и Новейшей истории, ведущий
научный сотрудник

Титова Татьяна Алексеевна,
доктор исторических наук, профессор,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Институт международных
отношений, кафедра истории Татарстана,
антропологии и этнографии, профессор

Защита диссертации состоится 29 сентября 2025 г. в 16 часов 30 минут на заседании диссертационного совета МГУ. 0.56.3 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 «Шуваловский», ауд. А-416.

E-mail: art-dissovet@hist.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на сайте <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3482>

Автореферат разослан «.....» ..... 2025 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
кандидат искусствоведения

Е.А. Ефимова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Изучение религии в различных ее аспектах является актуальным направлением разных исследовательских дисциплин. Рубеж XX–XXI вв. стал временем научного осмысления идеологии атеизма, церковно-государственных отношений, религиозных практик и инициатив эпохи СССР. В исторических, антропологических и этнологических исследованиях советской секулярной модели общества речь чаще всего идет об изменениях культуры в связи с гонениями на религиозные институты и верующих, возникновении нелегальной религиозной субкультуры, трансформации религиозных практик в условиях атеистической политики государства. В этом контексте особый интерес представляют территории, которые были присоединены к СССР в 1939–1940 гг. (Западная Белоруссия, Западная Украина, Бессарабия и Северная Буковина, Прибалтика) и не были затронуты советской антирелигиозной репрессивной системой до Второй мировой войны. Случай Псково-Печорского района Псковской области дает возможность анализа местной православной культуры в парадигме преемственности, а не культурного разрыва. Благодаря погранично-периферийному положению района, его нахождению в составе независимой Эстонской Республики в 1920–1940 гг., наличию никогда не закрывавшегося Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и действующих приходских храмов, здесь сохранялась и бытовала во второй половине XX в. церковно-приходская среда. В позднесоветскую эпоху духовных исканий и последующий за ней период «религиозного ренессанса» локусы, подобные Печорам, стали центрами притяжения для людей, желающих приобщиться к «древней церковной традиции». Представляется важным изучение механизма преемственности и изменчивости религиозных практик недавнего советского прошлого в свете культурной рефлексии современного российского общества.

Религия и этничность – мощные рычаги конструирования идентичности внутри государств, в особенности на пограничных территориях, где

присутствуют территориальные споры и амбиции. Таковым является Печорский район Псковской области, расположенный на границе с Эстонией, и неоднократно менявший свою государственную принадлежность в XX в. История функционирования местных церковных православных приходов наглядно демонстрирует процесс выстраивания этноконфессиональной идентичности населения в зависимости от национальных интересов как России, так и Эстонии. Так, на протяжении всей своей истории народ сето (сету)¹ балансирует между русификацией и эстонизацией. Современная самопрезентация сето как малочисленного православного финно-угорского народа, разделенного границей, актуализирует проблемы российско-эстонских государственных отношений. Здесь и территориальные споры, и распределение сфер влияния, и вопрос о статусе православия в национальной политике государств. В настоящее время самобытная культура исчезающей группы печорских сето представлена в общественном пространстве как яркий туристический бренд и, по сути, является объектом музеефикации. Поэтому представляется чрезвычайно важной фиксация устных свидетельств старожильческого населения о бытовавших здесь в недавнем прошлом практиках.

Объектом исследования является население города Печоры и деревень Печорского района Псковской области (русские и сето) как этнографическая общность², существующая в едином культурно-бытовом пространстве, проживающая в пограничной этноконтактной зоне и охваченная влиянием Псково-Печерского монастыря³.

Предметом исследования является православная традиция (как комплекс мировоззренческих установок, религиозных норм и практик,

---

¹ В эстоноязычной историографии принят термин «сету». В настоящее время, благодаря усилиям активистов культурного возрождения, наряду с эстонским литературным вариантом «сету» в научной литературе широко используется эндоэтноним «сето».

² См.: Малые этнические и этнографические группы. Историческая этнография. Вып. 3 / Отв. ред. В.А. Козьмин. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. 356 с.

³ См.: *Новожилов А.Г.* Население Псково-Печерского края как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. 2009. № 3. С. 94-110.

передающихся из поколения в поколение) русских и сето Псково-Печорского края советского и постсоветского периодов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1945 г. (окончание Великой Отечественной войны, образование современного Печорского района Псковской области) по 2018 г. (прекращение активных полевых исследований автора). Для понимания этнополитической ситуации и специфики местной религиозной культуры в первой главе дан краткий обзор событий конца XIX – начала XXI в.

Территориальные рамки исследования соответствуют современным административным границам Печорского района Псковской области.

Цель исследования – выявление особенностей локальной православной традиции и ее преемственности в Печорском районе Псковской области в советский и постсоветский периоды, определение механизмов ее сохранения и изменений.

Для достижения этой цели предстояло решить следующие **исследовательские задачи**:

1. Определить специфику православной культуры населения Печорского района Псковской области в историко-политическом контексте XX – начала XXI в.
2. Проанализировать роль действующего Псково-Печерского Свято-Успенского монастыря в жизни местного населения в советский и постсоветский периоды.
3. Рассмотреть местную религиозную традицию в контексте церковно-приходской жизни.
4. Охарактеризовать этническую составляющую местной православной культуры.
5. Раскрыть способы передачи религиозных норм и практик.

Теоретико-методологическая база. Работа выполнена в жанре историко-этнологического исследования, в основе которого лежит принцип историзма. Автор использует антропологический подход, который дает

возможность сфокусироваться на индивидах и социальных группах, их опыте, практиках и мировосприятии. Для понимания религиозного мировоззрения исследуемой группы используется феноменологический подход⁴. Автор также опирается на разработки Т.А. Бернштам – предложенный ею метод этнографо-феноменологического исследования христианства⁵ и вариант изучения приходской жизни в жанре «церковной этнографии», которая находится на стыке церковной истории и исторической этнографии⁶. Важной концептуальной разработкой для данного исследования является понятие «живой/проживаемой» религии (англ. *lived religion*)⁷ – т.е. изучение того, как религия и духовность практикуются, переживаются и выражаются людьми в контексте их повседневной жизни. Ключевым понятием исследования выступает религиозная традиция как составная часть глобальной культурной традиции. Автор опирается на разработки Ш. Эйзенштадта⁸, Э. Шилза⁹, Э. Хобсбаума¹⁰, Э.С. Маркаряна¹¹, К.В. Чистова¹². Традиция может изменяться, варьироваться, конструироваться. Для анализа религиозной традиции в локальном сообществе автору были важны теоретические построения по феноменологической социологии религии П. Бергера¹³ и концепция дискурсивной традиции, предложенная Т. Асадом для изучения ислама¹⁴. Принципиально важным моментом является равнозначность

---

⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Наука, 1999. 245 с.; Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. 486 с.

⁵ Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян. Учение и опыт Церкви в народном христианстве. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 400 с.

⁶ Бернштам Т.А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 416 с.

⁷ Orsi R. *The Madonna of 115th Street: Faith and Community in Italian Harlem, 1880-1950*. Yale University Press, 2002. 320 p.; McGuire M.B. *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. N.Y.: Oxford University Press, 2008. 290 p.

⁸ Eisenstadt Sh. *Tradition, Change, and Modernity*. New York, 1973. 367 p.

⁹ Shils E. *Tradition*. London, Boston, 1981. 342 p.

¹⁰ Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 320 p.

¹¹ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78–96.

¹² Чистов К.В. Народные традиции и фольклор: Очерки теории. Л.: Наука, 1986. 304 с.

¹³ Berger P.L. *The Heretical Imperative: Contemporary Possibilities of Religious Affirmation*. N.Y.: Anchor Press, 1980. 220 p.

¹⁴ Asad T. *The Idea of an Anthropology of Islam*. Center for Contemporary Arab Studies, Georgetown University, Washington, D.C., 1986. 22 p.

религиозных практик (понимаемых внутри изучаемого сообщества как религиозные) для аналитика-антрополога – будь они установлены официальными религиозными институтами или сформированы в народной среде, старые они или новые, «корректные» или «некорректные» с позиции богословов и т.д. Теоретической базой в трактовке понятия идентичности послужили работы антропологов, написанные в русле конструктивистского подхода, – Ф. Барта¹⁵, П. Бергера и Т. Лукмана¹⁶, С. Холла¹⁷, В.А. Тишкова¹⁸.

В работе широко использовались сравнительный и биографический методы анализа. Во время полевых этнологических исследований применялись методы включенного наблюдения и глубинного (частично структурированного) интервью.

Источниковая база исследования. Основным источником являются полевые материалы автора, собранные во время экспедиций и краткосрочных выездов в Печорский район Псковской области и юго-восточную Эстонию в 2007–2017 гг. в качестве научного сотрудника Российского этнографического музея. Всего было взято около 100 интервью продолжительностью от 0,5 до 1,5 часов каждое. Отдельный вид работ был связан с наблюдением церковных праздников и поминальных обычаев на кладбищах и проведением там блиц-опросов. Основная группа информантов – это люди 1930–1944 г.р. (36 чел.). Вторую по численности группу составляет послевоенное поколение 1945–1950-х г.р. (25 чел.). Поколение, рожденное в 1959–1960-х гг. представлено 22 интервью. Группа информантов 1920-х г.р. состоит из 5 человек¹⁹.

---

¹⁵ *Barth F.* Introduction // *Ethnic Groups and Boundaries: The social organization of culture difference* / Ed. by F. Barth. Oslo, 1969. Pp. 9–38.

¹⁶ *Berger P., Luckmann T.* *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge.* Garden City, NY: Anchor Books, 1966. 240 p.

¹⁷ *Hall S.* *Cultural Identity and Diaspora* // *Identity: Community, Culture, Difference* / Ed. by J. Rutherford. London: Lawrence & Wishart, 1990. Pp. 222–237.

¹⁸ *Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.

¹⁹ Автор выражает глубокую признательность всем информантам, многих из которых, увы, уже нет в живых. Особую благодарность за помощь в «наведении мостов» с местными жителями автор выражает В.А. Шуваловой – директору Печорской центральной районной библиотеки (2001–2019 гг.).

Личные полевые наблюдения автора были по возможности сопоставлены с полевыми материалами других (работавших в этом регионе) исследователей из архивов Санкт-Петербурга – П. Хагу²⁰, М. Пихо²¹, М.Л. Засецкой²², А.Г. Новожилова²³.

Вторую группу источников составляют информационные отчеты и статистические сведения о состоянии религиозности в Псковской области за 1945–1989 гг. из фонда уполномоченного по делам Русской православной церкви (с 1965 г. – по делам религий) при Совете министров СССР по Псковской области²⁴. Их дополняют материалы Государственного архива новейшей истории Псковской области – протоколы общих собраний первичных партийных организаций²⁵ и рапорты пионерских дружин Печорского района²⁶.

Третью группу источников составляют публикации мемуарного характера, написанные старожилами Печорского района, – священником Евгением Пелешевым²⁷, Н. Катаевой-Валк²⁸, Н. Дроздовым²⁹, постоянными участниками заседаний Общества краеведов при Печорской районной библиотеке³⁰.

Степень изученности и историография проблемы. Исследования в области религиозной традиции населения Печорского района Псковской области производились неравномерно. Приоритет отдавался культуре сето из-за их яркости и самобытности. Представители национальной эстонской школы

---

²⁰ АМАЭ РАН Ф. К-V. Оп. 1. № 656 – П.С. Хагу «Аграрная обрядность и верования сету». дис. ... канд. ист. наук. 1983 г.

²¹ АМАЭ РАН Ф. К-V. Оп. 1. № 758 – М.Э. Пихо «Металлические украшения сету XIX–XX вв.». дисс. ... канд. ист. наук. 1997 г.

²² Личный архив М.Л. Засецкой; АРЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 218 – материалы экспедиции М.Л. Засецкой в Псков, Печоры, Эстонию. 2009 г.

²³ Полевые дневники и отчеты Псково-Печорского отряда кафедры этнографии и антропологии Института истории СПбГУ. 1996-1997 гг.

²⁴ ГАПО Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 6–362.

²⁵ ГАНИПО Ф. 426–450.

²⁶ ГАНИПО Ф. 2629. Оп. 5. Д. 10–15.

²⁷ Пелешев Е. При пяти настоятелях // В Псково-Печерском монастыре (воспоминания насельников). М.: Отчий дом, 2001. С. 5–134.

²⁸ Катаева-Валк Н. Там, где я родилась. Тарту: Диалог, 2015. 250 с.

²⁹ Дроздов Н. А это было так. Истории из жизни изборян. Печоры: б/и, 2015. 192 с.

³⁰ Не прервется связь времен. Материалы общества краеведов при Печорской районной библиотеке /Сост. В.А. Шувалова. Печоры, 2004. № 1; 2007. № 2; 2009. № 3; 2011. № 4; 2014. № 5; 2016. № 6; 2018. № 7.

конца XIX–начала XX в. Фр. Р. Крейцвальд, М. Веске, О. Каллас, Я. Хурт³¹ видели в сето потомков древних эстов, не «запятнанных» немецким влиянием, сохранявших архаичные верования и соблюдавших лишь внешние обрядовые формы православия. Авторы русскоязычных публикаций краеведческо-миссионерской направленности писали о сето как о «верных чадах православной церкви», сохранявших следы язычества и нуждавшихся в просвещении³². В публикациях четко прослеживалась разница в восприятии культуры сето лютеранскими и православными исследователями. Но и те и другие уделяли внимание не церковным, а народным и языческим практикам. О тайном культе бога Пеко, сохранявшемся в западной части ареала сето, писали Ю. Трусман, М.Й. Эйзен, Г. Рянк³³. В период нахождения Печорского края в составе Эстонской Республики (1920–1940) началось исследование фольклора русских Печорского уезда сотрудниками Эстонского фольклорного архива³⁴ и представителями русской эмиграции – М. Шпис-Малаховой³⁵, Е. Малер³⁶, Л. Зуровым. Сотрудники «миссии» парижского Музея человека Л. Зуров и Б. Вильде проводили комплексное изучение сето и русских в 1937–1938 гг. Л. Зуров составил подробный перечень почитаемых камней, источников и деревьев – следов язычества в его трактовке³⁷. Эстонский

---

³¹ *Kreutzwald Fr. R.* Teateid rahvalauludest Pihkva kubermangus asuvate eestlaste juures (1848) // *Maailm ja mõnda*. Tallinn: Eesti Riiklik Kirjastus, 1953; *Veske M.* Bericht über die Ereignisse einer Reise durch das Estenland im Sommer 1875. Dorpat: Druk von H. Laakmann, 1877. 77 S.; *Kallas O.* Einiges über die Setud // *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1894. Dorpat, 1895. S. 81–105; *Гурт Я.* О псковских эстонцах или так называемых «сетукезах» // *Известия Императорского Русского географического общества*. Т. XLI. 1905. СПб., 1906. С. 1–22.

³² *Миротворцев М.* Об эстах или полуверцах Псковской губернии // *Памятная книжка Псковской губернии за 1860 г.* Псков, 1860. С. 45–61; *Лебедев Е.* Инородческий вопрос в Псковской губернии в связи с религиозно-политическим значением Псково-Печерского монастыря. Псков, 1891. 33 с.; *Лебедев А.* Полуверцы Псково-Печерского края и меры их просвещения // *Псковские епархиальные ведомости*. 1901. № 5. С. 124–131 и № 6. С. 145–153.

³³ *Трусман Ю.* Полуверцы Псково-Печерского края // *Живая старина*. 1890. Вып. I. С. 31–62; *Eisen M. J.* Über den Pekokultus bei den Setukesen // *Finnisch-ugrische Forschungen: Zeitschrift für finnisch-ugrische Sprach- und Volkskunde*. 1906. Bd. 6. S. 104–111; *Eisen M. J.* Setukeste jumal Peko // *Eesti Kirjandus*. 1908. № 11. Lk. 377–387. *Ränk G.* Materiaalne Peko // *Eesti Rahva Muuseumi Aastaraamat IX-X*. 1934. Lk. 176–203.

³⁴ *Антропов Н.* 2021. Дневники собирателей русского фольклора в архиве Эстонского литературного музея // *Живая старина*. 2021. № 4 (121). С. 42–46; *Боганева Е., Кыйва М.* Тексты о святых в архиве Эстонского литературного музея // *Sator. Artikleid usundi- ja kombeloost*. 2022. № 23. С. 67–68.

³⁵ *Шпис М.* Свадебные песни и обряды из свадебной игры, записанной в деревне Городище Петсерского уезда (бывшая Псковская губерния) в Эстонии. Petseri: Собственное издательство, 1936. 26 с.

³⁶ *Mahler E.* Altrussische Volkslieder aus dem Pečoryland. Basel: Bärenreiter, 1951. 180 S.

³⁷ *Zouroff L.* Dyrkan av stenar, källor och träd bland setukeser och ryssar i Petseri-området // *Folk-Liv. Acta ethnologica et folkloristica Europaea*. 1940. T 4. S. 62–76.

исследователь народной религии О. Лооритс писал о сето как о носителях греко-католического менталитета, для которых характерна вера в чудеса и «конкретизм»³⁸. В советский период П. Хагу изучал народные верования сето и культ Пеко в контексте трудовой теории формирования земледельческого календаря³⁹. Изучением «следов язычества» на Псковской земле на материалах культовых камней занимался А.А. Александров⁴⁰. Отдельные сведения о религиозных практиках русских Печорского района можно почерпнуть из материалов, собранных фольклорной экспедицией 1980-х гг. под руководством А.М. Мехнецова⁴¹. В постсоветский период тема православия в культуре сето отчетливо зазвучала в исследованиях эстонских и сетоских ученых Х. Валка, А. Киристая, М. Пихо – храмы, часовни, крестные ходы, народные предания о монастырях⁴². Также Х. Валк, М. Арукаск, Э-Х Вястрик продолжают тему религиозного синкретизма в культуре сето⁴³. В фокусе исследований А. Калкуна оказались гендерные аспекты религии сето и проблема репрезентации сетоского православия⁴⁴. В отличие от эстонских авторов, А.Г. Новожилов предлагает изучать сето и русских Печорского края

---

³⁸ *Loorits O.* About the religious concretism of the Setukesians // *Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja* 61(5). Helsinki: Suomalais-ugrilaisen Seura, 1959. P. 1–49.

³⁹ *Hagu P.* Аграрная обрядность и верования сету: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. 19 с. *Hagu P.* Setu viljakusjumal Peko // *Keel ja Kirjandus*. 1975. № 3. Lk. 166–173.

⁴⁰ *Александров А.А.* О следах язычества на Псковщине // *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 175. М.: Наука, 1983. С. 12–18.

⁴¹ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. Т. 1 / Науч. ред. А.М. Мехнецов. Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. 688 с.

⁴² *Valk H.* Tsässon ja külakalmistu Põhja-Setomaa kultuuripildis // *Setumaa kogumik* 1. Tallinn, 2003. Lk. 219–252; *Setumaa tsässonad / Toim. A. Kiristaja, H. Valk, H. Alumäe, S. Leppik.* Setu Kultuuri Fond, 2011. 578 lk. *Piho M.* Mõla klooster Setomaal // *Setumaa kogumik* 5. Tallinn-Värska, 2012. Lk. 359–384 и др.

⁴³ *Arukask M.* Religious syncretism in Setu runo songs // *Studies in Folklore and Popular Religion*, 3. Tartu: TÜ, 1999. Lk. 79–92. *Вястрик Э-Х.* Дохристианские традиции сето // *Экспедиции Музея человек в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомая (1937–1938)*. СПб.: Инкери, 2021. С. 547–559. *Valk H.* Christian and Non-Christian Holy Sites in Medieval Estonia: A Reflection of Ecclesiastical Attitudes Towards Popular Religion // *The European Frontier. Clashes and Compromises in the Middle Ages*. Lund: Lund University, 2004. Pp. 299–310.

⁴⁴ *Kalkun A.* Nähtamatu ja nähtav pärimus. Seto rahvaluule kogumisest ning menstruatsiooni ja sünnitusjärgse käitumisega seotud tabudest // *Ariadne Lõng*. Tallinn: ENUT, 2007. Lk. 3–18; *Kalkun A.* Fasts and Feasts in Estonians' Representations of the Seto Culture // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2014. № 8 (1). Lk. 3–18; *Калкун А.* Русская вера или византийское наследие? Репрезентации православия народности сету в XX в. // *Православие в Прибалтике: религия, политика, образование 1840-е–1930-е гг.* Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2018. С. 346–347; *Kalkun A.* How to Ask Embarrassing Questions About Women's Religion: Menstruating Mother of God, Ritual Impurity, and Fieldwork Among Seto Women in Estonia and Russia // *Orthodox Christianity and Gender: Dynamics of Tradition, Culture and Lived Practice*. London: Routledge, 2020. Pp. 97–114.

как единую этнолокальную группу⁴⁵. Различным аспектам религиозной культуры сето посвящены работы К. Лыуна, К. Гричин, Я. Плаата, А. Селарта⁴⁶. Теме православия в Эстонии и на русско-эстонском пограничье посвящены труды патриарха Алексия II, историков А. Сычова, С. Римештада, В.И. Мусаева, И.В. Петрова⁴⁷. Американский этномузыковед Дж. Энгелхардт изучал церковное пение сето⁴⁸. В 2017–2021 гг. вышли публикации материалов экспедиций Л. Зурова и Б. Вильде с сопутствующими статьями авторов из Франции, Эстонии, России⁴⁹. Работа над этим проектом послужила мощным импульсом для написания данного диссертационного исследования. Отдельную благодарность выражаю моему первому научному руководителю – д.и.н. Ольге Михайловне Фишман.

Научная новизна. В диссертационной работе предпринята первая попытка комплексной характеристики православной традиции русских и сето Печорского района Псковской области советского периода.

Теоретическая и практическая значимость. Диссертационное исследование вносит вклад в проблему осмысления религиозного опыта и передачи религиозной традиции на этнографическом материале. Предлагается конкретная модель изучения локальной религиозности на «низовом» уровне

---

⁴⁵ *Новожилов А.Г.* Население Псково-Печерского края как этнолокальная группа // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. 2009. № 3. С. 94–110; *Новожилов А.Г.* Население Псково-Печерского края между этнокультурной традицией и национальной политикой // Вестник СПбГУ. История. 2017. Т. 62. № 1. С. 186–200.

⁴⁶ *Lõuna K.* Usuküsimus Petserimaal 1920.–30. aastatel ja kloostriõda // *Ajalooline Ajakiri*. Kleio. 1999. № 3/4 Lk. 57–69; *Gričin K.* Setude usuelust enne 20. Sajandit // *Ajalooline Ajakiri*. 2001. № 4. Lk. 57–68; *Plaata J., Maasik A.* Õigeusk ja õigeusu pühakojad Eestis 11-19. sajandil // *Mäetagused* 47. Tartu, 2011. Lk. 7–38; *Селарт А.* Миссионерская деятельность Печерского игумена Корнилия во время Ливонской войны (1558–1582) // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.-Псков, 2011. С. 69–76.

⁴⁷ *Алексий II, патриарх Московский и всея Руси.* Православие в Эстонии. М.: Православная энциклопедия, 1999. 704 с.; *Sõtšov A.* Eesti õigeuse piiskopkond nõukogude religioonipolitika mõjuväljas 1954–1964. Doktoriväitekiri. Tartu, 2008. 226 lk.; *Rimestad S.* The Challenges of Modernity to the Orthodox Church in Estonia and Latvia (1917–1940). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2012. 304 p.; *Петров И.В.* Православная Балтия 1939–1952 гг.: Период войн, репрессий и межнациональных противоречий. СПб.: Бумажные книги, 2016. 376 с.; *Мусаев В.И.* Православие в Прибалтике в 1890–1930-е гг. СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2018. 385 с.

⁴⁸ *Engelhardt J.* The acoustics and geopolitics of Orthodox practices in the Estonia-Russia Border Region // *Eastern Christians in Anthropological Perspective*. Berkely: University of California Press, 2010. Pp. 101 – 123.

⁴⁹ *Missions du Musée de l'Homme en Estonie Boris Vildé et Léonide Zoureff au Setomaa (1937–1938)* / T. Benfoughal, O. Fishman, H. Valk. Paris, 2017. 859 p.; *Inimese Muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938)* / T. Benfoughal, O. Fišman, H. Valk. Tartu, 2018, 790 lk.; *Экспедиции Музея человек в Эстонию. Борис Вильде и Леонид Зуров в Сетомаа (1937–1938)* / Ред. Т. Бенфугаль, Х. Валк, О. Фишман. СПб.: Инкери, 2021. 878 с.

церковного прихода с учетом его этнической специфики и обязательного историко-политического контекста его формирования.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы в лекциях, курсах, методических пособиях по этноконфессиональной истории, антропологии религии, истории традиционной культуры, в воспитательных программах по толерантности и межнациональному взаимодействию.

Положения, выносимые на защиту

1. Специфика локальной религиозной культуры Псково-Печорского края обусловлена внешними геополитическими факторами – пограничным положением, нахождением в составе разных государств, изменениями политических курсов этих государств, а также местными инициативами монастыря, приходского духовенства и прихожан.
2. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, под воздействием которого была сформирована локальная православная традиция, продолжал играть определяющую роль в религиозно-культурном ландшафте Псково-Печорского края в условиях насильственной секуляризации советского периода. Действующий монастырь и не разрушенная система приходских храмов во второй половине XX в. обеспечивали трансляцию церковной традиции. Православные практики продолжали осуществляться с учетом ограничений, наложенных запретами антирелигиозной государственной политики.
3. Особенностью церковной жизни Печорского района Псковской области являлось наличие двух этнических групп. Этническая специфика приходской жизни Печорского благочиния советского периода проявлялась в негласном принятии двуязычных богослужебных практик – чередовании произносимых текстов на церковнославянском и эстонском языках. Специфика православной культуры сето выражена в языке, некоторых особенностях костюма и домашнего интерьера. Языком своей религии печорские сето называют эстонский язык.

4. Для советского поколения жителей Печорского района характерна двойственность сознания – одновременное воспроизведение атеистического дискурса, транслируемого школой и СМИ, и церковных практик, привитых семейным воспитанием. Православная культура и преемственность православной традиции являются одним из основных маркеров локальной идентичности жителей Псково-Печорского края, четко отличающих себя как от советских атеистов, так и от постсоветских неопитов.

Апробация работы. Материалы и основные положения диссертационного исследования были представлены в докладах на «Шёгреновских чтениях» (СПб, 2007–2020 гг.), «Санкт-Петербургских этнографических чтениях» (СПб, 2017, 2019 гг.), конференции «Изборск и его округа» (Изборск, 2014–2017, 2019 гг.), конференции «Археология и история Пскова и Псковской земли» (Псков, 2008, 2017 гг.), конференции, посвященной 70-летию П. Хагу (д. Обиница, Эстония, 2016 г.), конференции «25 лет музею-усадьбе сето в Вярске» (пос. Вярска, Эстония, 2019 г.), XIII конгрессе антропологов и этнологов России (Казань, 2019 г.). Некоторые положения диссертации были представлены автором в курсе лекций «Традиционная культура народов Северо-Запада России» Российского этнографического музея (2016 г.) и курсе лекций «Традиционная культура народов России» Санкт-Петербургского государственного института культуры (2021–2022 гг.). Диссертация была обсуждена на заседании кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. По теме исследования опубликовано 16 статей, из них – 4 в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, трех приложений (карта, таблицы демографических событий и соответствующих им обрядов, экспедиционные фотографии).

Основное содержание работы

Во **введении** обозначена актуальность исследования, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, указаны цель и задачи работы. Также здесь приведены теоретико-методологическая и источниковая базы, представлена историография проблемы, указаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Православная традиция населения Псково-Печорского края в историко-политическом контексте конца XIX – начала XXI в.»** представляет собой краткий очерк исторических событий, непосредственно формировавших специфику местной религиозной культуры. Православная традиция сохранялась и развивалась в сложных условиях войн, изменений государственной принадлежности, политических режимов, церковных юрисдикций. Периодизация выстроена в соответствии с местной старожильческой терминологией, для которой характерна осторожно-нейтральная оценка сменявших друг друга властей – **«царское время»** (конец XIX – начало XX в.), **события 1918–1919 гг.**, **«эстонское время»** (1920–1940 гг.), **«советское время»** (июль 1940– июль 1941 гг.), **«немецкое время»** (июль 1941– август 1944 гг.), **«советское время»** (1944–1991 гг.), **«постсоветское время»**. Сделан вывод о гибкой идентичности местного населения и выработывавшихся механизмах адаптации. Наследием рассмотренных «эпох» были тесные культурно-родственные и церковные связи с Эстонией, наличие штата подготовленных священно- и церковнослужителей (некоторые из них знали эстонский язык), разделение городского прихода в Печорах (церкви Сорока мучеников) на русскую и эстонскую (сетоскую) общины, развитие культуры печорских сето в рамках эстонского языка, но в тесном контакте с русскими. Для постсоветского периода характерен этнический активизм сето Эстонии и России и стремление к мемориализации их этнической культуры. В настоящее время в Печорском районе проживает не более 250 сето.

Вторая глава «**Псково-Печерский монастырь в культуре местного сообщества**» посвящена различным аспектам взаимодействия жителей Печорского района со Свято-Успенским Псково-Печерским монастырем. Уникальной особенностью монастыря является то, что он не закрывался ни на один день со дня своего основания в 1473 г.

В параграфе 2.1. «**Монастырь – святыня и святыни монастыря**» обитель представлена как сакральный центр региона. В названиях подпараграфов обозначены главные почитаемые места и объекты монастыря с позиции местных жителей – «пещеры», «храмы», «старцы», «иконы и цветочный ковер», «природные почитаемые объекты». Причастность к монастырю как к религиозной святыне у жителей Печорского края выражена иначе, чем у паломников и религиозных переселенцев. Она лишена экзальтированных форм религиозного поведения, не требует постоянного физического контакта с монастырскими реликвиями или благословения старца по любому вопросу. Феномен сохранявшегося старчества (гордость Псково-Печерского монастыря) был мало известен рядовым печорянам советского периода. Этот культ формировался в среде «прицерковных людей». Широкий доступ к информации о печерских старцах⁵⁰ второй половины XX в. местное население получило уже в постсоветский период благодаря просветительско-издательской деятельности монастыря. В постоянной литургической жизни монастыря участвовала небольшая доля печорян. По мере географического удаления от Печор значимость монастыря в жизни местного населения уменьшалась. Но храмовый праздник обители Успение Богородицы оставался главным объединяющим фактором жителей района как локальной религиозной группы. Праздник знаменовал собой ежегодную встречу печорян со своей небесной покровительницей, которая «выходила» к людям в иконописном образе. В условиях запрета крестного хода вокруг стен монастыря (1959–1990) была сконструирована одна из самых

---

⁵⁰ Схиеромонах Симеон (Желнин), схиигумен Савва (Остапенко), архимандрит Иоанн (Крестьянкин), архимандрит Адриан (Кирсанов) и др.

узнаваемых в настоящее время традиций Псково-Печерского монастыря – создание ковра (дорожки) из живых цветов для шествия иконы Успения Богоматери из Успенского собора в Михайловский внутри обители⁵¹. В отношении разнообразных практик, связанных с народными представлениями о трансляции святости (почитание старинного дуба монастыря, приношение продуктов к резному образу Николы Можайского надвратной церкви⁵² и др.) монастырь придерживался тактики контроля и искоренения форм, не вписывавшихся в рамки церковной культуры.

В параграфе 2.2 **«Монастырь – памятник крепостного зодчества и краеведческая гордость»** рассматривается историко-культурный аспект восприятия монастыря местным сообществом. Задача переосмысления монастыря исключительно как культурного объекта (поставленная советскими идеологами перед местными работниками культуры и учителями) не могла быть выполнена в полной мере в условиях функционирования «живого» памятника церковной старины. На протяжении всего исследуемого периода монастырь отстаивал право на собственные экскурсии и культурные интерпретации наряду с нарративами светских экскурсоводов. Прямой отсылкой к историческому прошлому монастыря выглядит полулегендарное заявление наместника Алипия (1959–1975) о готовности братии с оружием в руках защищать монастырь в случае его закрытия. В постсоветский период Псково-Печерский монастырь последовательно идет по пути занятия ключевых позиций в пространстве города – как реальном, так и когнитивном. Современное печорское краеведческое сообщество объединяет чувство привязанности к Псково-Печерскому монастырю, символическое присвоение его себе в независимости от личной религиозной идентичности.

В параграфе 2.3. **«Монастырь – обыденность»** рассматривается феномен повседневного присутствия монастыря в жизни горожан на

---

⁵¹ По всей видимости, эта история связана с наместничеством архимандрита Алипия (Воронова), активно сопротивлявшегося угрозе закрытия монастыря в конце 1950–начале 1960-х гг. и стремившегося к популяризации обители (особенно на международном уровне).

⁵² Обычай, сохранявшийся у сето до 1940-х гг.

акционально-вербальном, визуальном, аудиальном (колокольный звон) уровнях. Монастырь был местом прогулок, детских игр (лазание по стенам, катание на санях), встреч и даже романтических историй. Запрет на его посещение детьми и молодежью давал обратный эффект «запретного плода», вызывал интерес к происходящему внутри.

Параграф 2.4. **«Миссионерско-катехизаторская деятельность Псково-Печерского монастыря»** состоит из двух подпараграфов – **«Инициативы монастыря в советский и постсоветский периоды»** и **«Сеточада Псково-Печерского монастыря»**. В связи с государственными запретами, направленными на устранение монастырского влияния на население в советский период, проповедническая деятельность монастыря была крайне затруднена. По мнению советских идеологов, монастырь должен был утратить свою значимость в условиях индустриализации города, возведения Керамического комбината и внешнего притока молодых советских специалистов в 1960–1980-х гг. Однако во время экономического кризиса 1990-х обитель вновь заняла позицию «градообразующего предприятия». Она оставалась гарантом притока финансов и давала возможность заработка местному населению – проведения частных экскурсий, сдачи внаем комнат паломникам, продажи сувениров. В свою очередь, монастырь немедленно включился в процесс рехристианизации печорян. Программы духовно-нравственного воспитания, внедряемые в местные образовательные учреждения отделом образования и монастырем в 2000-е гг., базируются на «отечественной традиции»⁵³, представлении о культуuroобразующей роли православия, и в целом не предполагают религиозного плюрализма. Монастырь превратился в чрезвычайно важного актора местной культуры и экономики. Но его инициативы в области строительства, туризма и торгового маркетинга не всегда находят одобрение у окрестных жителей, считающих

---

⁵³ *Потаповская О.М.* Духовно-нравственное воспитание детей в дошкольной образовательной организации на основе отечественной социокультурной традиции: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2015. 24 с.; *Кузьмин И.А., Камкин А.В.* Основные положения программы духовно-нравственного развития и воспитания «Социокультурные истоки» в контексте Федерального государственного образовательного стандарта общего образования. URL: <http://www.istoky-co.ru/main.php>

такую бурную деятельность отклонением от его первоначальной молитвенной миссии.

В свете современной катехизаторской деятельности монастыря печорские сето имеют чрезвычайно важное значение как живое свидетельство его миссионерства прошлых веков. Считается, что сето были крещены в православие (из язычества и/или католицизма) прп. игуменом Корнилием Псково-Печерским (1529–1570). С тех пор они пользуются его покровительством, чтут монастырь как свою национальную святыню. Богородица, игумен Корнилий и свт. Николай (резной образ Николы Ратного надвратного храма монастыря) предстают в народном представлении персональными патронами сето. В советский период монастырское руководство периодически проявляло инициативы по включению эстонского языка в монастырские богослужения из уважения к своей сетоской пастве. В начале XXI в. наместники подчеркивали важность ношения сето национальных костюмов⁵⁴ на праздниках для визуализации их культуры в стенах монастыря. В начале XXI в. Псково-Печерский монастырь приобрел еще одну важнейшую, наряду с религиозной, функцию – он стал местом единения двух групп сето, проживающих по разные стороны русско-эстонской границы и, соответственно, символом утраченного единства.

В третьей главе **«Церковно-приходская культура Печорского района Псковской области»** рассмотрены специфические особенности функционирования церковных приходов в районе. В первом параграфе **«Церкви Печорского районе»** указано, что в послевоенный период здесь было сконцентрировано наибольшее число (15) действовавших церквей в сравнении с другими районами Псковской области. В 1960-х гг. был закрыт удаленный храм на острове Колпина Псковского озера, а два небольших приписных храма в Изборске перешли в ведение местного музея. Все остальные церкви никогда не закрывались. Локальная идентичность местного

---

⁵⁴ Национальные костюмы чаще всего надевают активисты сетоской культуры, приезжающие на праздники из Эстонии.

населения выражалась в соотнесении себя с родной деревней и, в особенности, со своим приходом и кладбищем. Поскольку граница между Эстонией и Печорским районом в 1944–1945 гг. проводилась с учетом этнических принципов, приходы, в населении которых преобладали сето, остались в Эстонии (Вярска, Обиница, Саатсе). До 1991 г. население беспрепятственно посещало свои храмы и кладбища, находившиеся как в Эстонии, так и в России. С введением визового режима эта система разрушилась, жизнь приграничных приходов стала развиваться по разным сценариям в разных государствах. В 2000-е гг. в Печорском районе развернулось активное храмостроительство. Возведение в Печорах третьего городского храма близ Керамического завода по инициативе монастыря означало включение заводского микрорайона в орбиту церковного влияния. А проблемы с пересечением границы привели к возникновению нового сакрального комплекса (храма и кладбища) в д. Моложва для жителей Печорского района – прихожан эстонского Саатсе.

В параграфе 3.2. **«Приходское духовенство»** дана общая характеристика печорского приходского духовенства второй половины XX в. Это были выходцы из местной среды, выпускники Псковской семинарии имперского периода или Печорской семинарии, функционировавшей в 1935–1940 гг. Они неохотно покидали пределы печорско-эстонского локуса, много лет служили на одних приходах (до 40 и более лет), хорошо знали свою паству. В качестве примера приведены яркие биографии священников д. Тайлово – отца и сына Верхоустиных, служивших для сето и русских на двух языках. Семьи духовенства сохраняли между собой брачные связи, известны случаи продолжения священнических династий в советский период (Ластовы, Пелешевы). Большинство настоятелей были русскими, но некоторые владели эстонским языком. Известны также случаи священников-сето (Кулдмяе, Лиллемяги). Важнейшим условием функционирования приходов было умение духовенства лавировать между требованиями властей и интересами паствы (совершать требы втайне и вопреки запретам). Проблема поиска настоятелей

на вакантные приходы решалась за счет местных ресурсов, в том числе иеромонахов. В позднесоветский период печорские приходы пополнились приезжими священниками из других епархий СССР. «Своими» стали те из них, кто проявил пастырское внимание к локальной этнокультурной специфике церковных общин.

В параграфе 3.3. «**Служители церкви**» отмечена важная роль младших клириков в сохранении и передаче церковной традиции. Псаломщики назначались из благочестивых прихожан и в дальнейшем пополняли собой ряды священнослужителей. В отличие от большинства регионов СССР, где на сохранявшихся приходах в качестве помощников доминировали женщины, в Печорском районе сохранялась традиционная модель мужского псаломщичества.

В параграфе 3.4. «**Прихожане**» все коренные жители Печорского района рассматриваются в контексте принадлежности к церковным приходам. Здесь приведены демографические данные по району и отмечено резкое уменьшение числа печорских сето из-за миграции в Эстонию в 1990-х гг.

Церковная активность прихожан советского периода зависела от внешних диктовавшихся государством установок. Служащие организаций, в особенности занимавшие высокие должности, и члены КПСС избегали открытого посещения храмов. Традиционно высокая религиозная активность наблюдалась у сельского населения. Были выявлены три возрастные модели поведения в отношении религии: старики (самые активные прихожане), работающие люди среднего возраста (эпизодически появлявшиеся в церкви), дети и молодежь (периодически участвовавшие в церковной жизни под влиянием семьи, но более всего подверженные антирелигиозной агитации в советский период). На рубеже XX-XXI вв. произошел приток молодежи и детей в Церковь в связи с активной катехизаторской деятельностью местного духовенства. Однако и в отсутствие запретов на участие в церковной жизни наблюдается тенденция большей вовлеченности в нее людей старше 50 лет. Очевидно, для глубинного понимания трансформации религиозного

поведения следует учитывать 1) условия его формирования в детстве 2) универсальность этапов восприятия Церкви в рамках индивидуального жизненного цикла.

Параграф 3.5 «**Этническая ситуация в приходах**» посвящен особенностям церковно-приходской жизни Печорского района в контексте темы сето. Советское правительство, признававшее сето эстонцами, официально разрешило регистрацию двух приходов со службами на эстонском языке – в Печорах (Варваринская церковь с эстонским священником) и с. Малы (Христо-Рождественский храм со священником-сето). На языке сето богослужений в Печорском крае никогда не было. В 1951 г. эстонский мальской приход был закрыт и объединен с русским. С 1975 по 2021 гг. настоятелем Варваринского храма был Евгений Пелешев (русский, владевший эстонским языком). Он привлек в храм русских прихожан и стал совершать двуязычные службы. В ряде сельских приходов со смешанным этническим составом (Тайлово, Залесье, Паниковичи) священники практиковали двуязычные богослужения вплоть до 1980-х гг., но официально эти приходы числились русскими.

Русские отмечали принципиальность и консерватизм сето в вопросах веры. Для сето советского поколения характерен конфессиональный полилингвизм. Богослужения шли на эстонском или церковнославянском, между собой в храме сето говорили на своем языке, а с русскими – на русском. Церковная лексика сето Печорского района во второй половине XX в. – это совмещение сетоских и эстонских вариантов произношения наряду с употреблением русских слов. Молитвы, воспринятые в детстве, запоминались на всю жизнь и воспроизводились впоследствии именно на том языке, на котором были заучены. В целом сето называли языком своей религии литературный эстонский. Яркая двуэтническая церковная культура Печорского района перестала существовать на рубеже XX–XXI вв. из-за миграции семей сето в Эстонию и естественной убыли оставшегося пожилого сетоского населения. Варваринский храм (с преобладающим русским приходом)

остаётся символом сетоской культуры в Печорах, обязательным местом посещения для делегаций сето из Эстонии.

Параграф 3.6. **«Дихотомия свои-чужие»** посвящён восприятию жителями Печорского района своей православной традиции в сравнении с носителями иных культурных парадигм – эстонцами и латышами (лютеранами), жителями других районов Псковщины, приезжими атеистами и «церковными людьми» – верующими, стремившимися попасть в Печоры со всего СССР. Печоряне четко отличали себя от «советских» (тех, кто до 1939–1940 гг. жил в СССР и не знал церковной жизни). Вместе с тем местная религиозность довольно часто вступает в конфликт с чрезмерной «набожностью» и назидательностью религиозных переселенцев, паломников, неофитов – тех, кто обратился к вере по собственному убеждению, а не в силу культурной традиции.

В четвертой главе **«Религиозные практики»** рассматривается бытование церковных таинств, обрядов и внехрамовых практик. Кардинальных различий в церковных практиках русских и сето изучаемого периода не было выявлено. Параграфы 4.1 **«Крещение»**, 4.2. **«Венчание»**, 4.3. **«Погребально-поминальные практики»** посвящены обрядности жизненного цикла. Лучше всего сохранялись церковные практики, связанные с пересечением символической черты бытия-небытия (крещение, отпевание, панихиды). Поскольку таинство брака не попадало в эту категорию, то число венчаний значительно сократилось в условиях идеологического давления и имевшейся альтернативы в виде пышной советской свадьбы. Рубеж XX–XXI вв. характеризовался многократно увеличившимся числом крещений и венчаний из-за изменившейся идеологической обстановки и повышения интереса к Церкви.

В параграфе 4.4. **«Исповедь. Причастие. Соборование»** проанализированы изменения в отношении к этим таинствам. Установки, бытовавшие в народной среде в синодальный период (исповедь и причастие раз в год, соборование лишь при смертельной болезни), сохранялись весь

XX в. и начали меняться под влиянием нового духовенства, СМИ и паломников уже в постсоветский период.

В параграфах 4.5. «**Посещение храма**» и 4.6. «**Церковные праздники**» указано, что обычай еженедельного воскресного посещения храмов поддерживался старшим поколением. В дни церковных праздников (в особенности престольных) и в поминальные дни в церкви собиралась вся община во всем своем этническом разнообразии «от мала до велика». В 1960–1980-е гг. на воскресных богослужениях в храмах присутствовало от 20 до 150 человек, на праздничных службах – от 80 до 800 человек. Стойко сохранялся обычай навещать могилы в дни церковных праздников. Однако здесь не произошло делегирование некоторых функций храма кладбищу – феномена, наблюдавшегося в СССР в условиях закрытия церквей. Коллективная намогильная трапеза (символическое застолье живых и мертвых) начиналось/начинается только после богослужения. Для молодежи и детей, в том числе сето, приехавших из Эстонии на престольные праздники, – это опыт участия в литургической жизни. Под влиянием антирелигиозной пропаганды многие праздничные практики редуцировались. Например, Рождество отошло на второй план и было вытеснено светским аналогом (Новым годом). Но в целом государственные и церковные мероприятия существовали в сознании печорян как бы в разных плоскостях и не противоречили друг другу. И те и другие получили развитие в постсоветский период благодаря усилиям духовенства и работников культуры.

Параграфы 4.7. «**Почитание местных святынь: источники и часовни**» и 4.8. «**Почитаемые персонажи Мальского прихода: Онуфрий Мальский и Матвеюшка Болящий**» посвящены народному пласту религиозной традиции и сохранявшимся представлениям о местных заступниках Псково-Печерского края. Народная агиография формировала единое поле действия для почитаемых персонажей из разных эпох, связанных с конкретным локусом. Народные религиозные практики составляли предмет контроля со стороны духовенства. Поэтому к середине XX в. многие обычаи

(например, почитание камней) были утрачены. В контексте православной традиции хорошо сохранялся культ воды. Водой «святых источников» омывали глаза, использовали ее при готовке, купании детей, а также в лечебных целях. В постсоветский период вновь началось активное вовлечение местных святынь в сферу церковного влияния.

В параграфе 4.9. **«Религиозные практики в домашнем пространстве»** отмечено, что население придерживалось тактики соблюдения культурной традиции без лишнего афиширования. Домашний иконостас как обязательная составляющая интерьера сохранялся в большинстве домов Печорского района советского периода. Также в семьях хранились Библия, Новый завет, Псалтырь, молитвословы (в домах сето – на эстонском языке), сочинения духовно-нравственного содержания. Соблюдение духовно-аскетических практик было связано, прежде всего, с представителями старшей возрастной группы. Работавшие члены социума, сами воспитанные в строгой родительской морали, не настаивали на соблюдении детьми религиозных практик. Однако во многих семьях принципиальной позицией было не только крещение ребенка для включения его в христианскую жизнь, но и выучивание им молитвы «Отче наш».

В параграфе 4.10. **«Триада семья–школа–храм: трансмиссия религиозной традиции»** резюмируются данные о механизмах передачи традиции посредством семьи, наставников, личного наблюдения повседневности («неявного знания»), контактов с людьми, предметами, явлениями. Принципиально новым способом трансляции православной традиции в постсоветский период стала передача религиозных знаний и практик от детей взрослым, а не наоборот. Дети, обучающиеся в воскресных школах, принимающие участие в разнообразных инициативах монастыря и церковью (включая участие в алтарном служении), несут свои знания в семье.

Заключение

В **заключении** подведены итоги и сформулированы выводы. В советский период истории в Печорском районе Псковской области

функционировала традиционная сеть церковных приходов, священники имели высокий авторитет в обществе, сохранялось мужское псаломничество. Ориентиром православной традиции выступал Псково-Печерский монастырь. Этническая специфика церковно-приходской жизни выражалась в наличии двух этнических групп (русских и сето). Знаковым местом сетоской православной культуры стала церковь св. Варвары в Печорах, где с 1935 до конца 1970-х гг. богослужения проходили только на эстонском языке. Статус эстонского языка как литургического закрепился за сето в период Эстонской Республики (1920–1940 гг.). Этническая специфика православия сето выражалась в языке, материальной культуре (оформлении иконного угла, наличии крестов в традиционном женском наборе украшений и т.д.), празднично-обрядовой сфере. Для обозначения празднования после церковной службы или молодежного воскресного гуляния жители Печорского района (сето и русские) широко использовали слово «кирмаш», которое здесь связано именно с сетоской культурой. Особым почитанием в среде сето пользовался Псково-Печерский монастырь, который, в свою очередь, признавал их своими «чадами».

Проводниками местной православной традиции являлись/являются семья, приходской храм, Псково-Печерский монастырь. Трансформация православных практик связана с образовательными и культурными организациями, СМИ, книгами, интернетом, деятельностью духовенства, влиянием паломников, туристов и «пришлых» верующих.

Население лучше всего сохраняло коллективные религиозные обычаи, связанные с культом предков и локальной идентичностью. Народные религиозные практики, связанные с местночтимыми святынями и святыми, в целом бытовали под контролем Церкви. В обрядах перехода лучше всего сохранялись те, что касались жизни и смерти (крещение, отпевание, панихиды). Практика заочных отпеваний, повсеместно распространенная в СССР как способ избегания демонстрации православного вероисповедания семьи покойного, не стала нормой для печорян. Духовно-аскетические

практики (исповедь, молитва, пост) соблюдались в большей степени старшим поколением и трактовались ими в рамках привычек, уходящих корнями в синодальную эпоху и народные представления. Новая советская обрядность принималась населением, но существовала в сознании людей параллельно с религиозной. В условиях идеологических запретов и атеистического школьного воспитания религиозное сознание подрастающих советских поколений размывалось, но не исчезало совсем. В результате печоряне, воспитанные в период развитого социализма и уверенные в своей отчужденности от религии, оказываются носителями разнообразных фрагментарных знаний о вере и обрядности. Именно эта подготовленность к восприятию религии дала возможность быстрой православной социализации печорского сообщества в 1990-е гг. В начале XXI в. Псково-Печерский монастырь и печорское духовенство активно участвуют в религиозном воспитании детей и молодежи и формируют новые религиозные навыки у старших поколений печорян. Наличие сетоской паствы имеет важнейшее политическое значение для Псково-Печерского монастыря как миссионера и актора российско-эстонского приграничного взаимодействия. В отношении сето по обе стороны границы идет активный процесс музеефикации культуры и создания успешного туристического бренда. Несмотря на то, что православие признано важнейшей составляющей самоидентификации сето, их церковный быт оказался как бы в тени сконструированной яркой фестивальной культуры «напоказ».

В целом происходит процесс мифологизации истории края, отдельных персонажей (Алипия Воронова) и мест (Варваринский храм – якобы специально построенная для сето церковь). История Псково-Печерского края XX в., избежавшего закрытия церквей, осмыслена в народном религиозном сознании как свидетельство избранности этих мест Богородицей – хозяйкой Псково-Печерского монастыря.

Представляется перспективным сравнение случая Псково-Печорского края с другими примерами сохранения приходской или монастырской

традиций в полиэтничных регионах, вошедших в состав СССР в 1939–1940 гг., – Литвы (Свято-Духов монастырь), Западной Белоруссии (Жировичский монастырь), Западной Украины (Почаевская лавра и другие монастыри), Молдовы.

Список публикаций по теме диссертационного исследования

Статьи, опубликованные в журналах Scopus, WoS, RSCI, а также в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности 5.6.4.

1. Калинина О.В. Псково-Печерский монастырь в культуре русских и сето Печорского района Псковской области: монастырская идентичность и местные практики // Вестник антропологии. 2022. № 2. С. 68–89. (1,7 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,289.
2. Калинина О. Сето – народ, разделенный границей // Родина. 2022. № 10. С. 122–124. (0,35 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,052.
3. Калинина О.В. «Полуверческие» приходы Псковской епархии: из истории церковных приходов народа сето // Исторический журнал: научные исследования. 2022. № 4. С. 1–16. (1,12 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,264.
4. Калинина О.В. Церковные и советские праздники в сознании и бытовой культуре населения Псково-Печорского края // Клио. 2024. № 10 (214). С. 163–171. (0,87 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,178.

Иные публикации

5. Калинина О.В. Миссионерская деятельность русской православной церкви в «полуверческих» приходах Псково-Печерского края (по материалам периодики кон. XIX – нач. XX в.) // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгреневские чтения / Авт.-сост. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 78–87. (0,65 п.л.). Импакт-фактор отсутствует.
6. Калинина О.В. Этноконфессиональная ситуация в Печорском районе Псковской области во второй половине XX – начале XXI в. // Историко-культурный ландшафт Северо-Запада – 3. Шестые Шёгреневские чтения /

Сост. и науч. ред. С.Б. Коренева, О.М. Фишман. СПб.: Европейский Дом, 2014. С. 276–285. (0,65 п.л.). Импакт-фактор отсутствует.

7. Калинина О. О некоторых аспектах религиозной жизни населения Печорского района во второй половине XX в. // *Setumaa kogumik 7. Tartu Ülikooli Lõuna-Eesti keele- ja kultuuriuuringute keskuse aastaraamat XV-XVI / Toim. K Pajusalu, A. Raudoja, H. Valk, Ü. Valk. Tartu–Värska, 2016. С. 225–252. (1,15 п.л.)* Импакт-фактор отсутствует.

8. Zassetskaïa M., Kalinina O. L'«orthodoxie populaire»: la pensée religieuse de la population russe du territoire de Petchory dans les travaux de Léonide Zouroff de 1937-1938 // *Missions du Musée de l'Homme en Estonie. Boris Vildé et Léonide Zouroff au Setomaa (1937–1938) / Sous la direction de T. Benfoughal, O. Fishman, H. Valk. Paris: Muséum national d'Histoire naturelle, 2017. P. 585–607. (0,6 / авторский вклад 0,3 п.л.)*. Импакт-фактор отсутствует.

9. Калинина О.В. Религиозная культура населения Псково-Печорского края. К постановке вопроса // *Изборск и его округа. Международная научно-практическая конференция 2013-2016 / Редколл.: Н.П. Дубровская, Н.К. Кальченко, Е.А. Григорьева. Изборск: Музей-заповедник «Изборск», 2017. С. 160–166. (0,5 п.л.)*. Импакт-фактор отсутствует.

10. Калинина О.В. Советская школа, семья и Церковь в Псково-Печорском крае в 1945-1991 гг. // *Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России): Материалы Шестнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. науч. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, 2017. С. 100–104. (0,25 п.л.)*. Импакт-фактор отсутствует.

11. Калинина О.В. Религиозная идентичность населения Псково-Печорского края в советский период // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2 (171). С. 76–82. (0,78 п.л.)*. Импакт-фактор РИНЦ 0,346.

12. Калинина О.В. Религиозная жизнь сету и русских Печорского района Псковской области в условиях антицерковной государственной политики 1950–1970-х гг. // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения / Науч. ред. Н.И. Ивановская, О.М. Фишман. СПб.: Инкери, 2018. С. 253–263. (0,5 п.л.). Импакт-фактор отсутствует.
13. Калинина О.В. Православная традиция в культуре сету и русских Печорского района Псковской области во второй половине XX – начале XXI в. Результаты полевого исследования // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт – 2. Восьмые Шёгреновские чтения / Науч. ред. О.М. Фишман. Воронеж: ООО «Диамант-принт», 2019. С. 250–266. (0,95 п.л.). Импакт-фактор отсутствует.
14. Калинина О.В. Православие сету (сето) в этнографическом дискурсе // Этнос и конфессия: Материалы Восемнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений / Отв. науч. ред. В.М. Грусман, Е.Е. Герасименко. СПб.: Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, 2019. С. 45–51. (0,25 п.л.) Импакт-фактор отсутствует.
15. Калинина О.В. Локальная модель религиозного воспитания в секулярном государстве на примере Печорского района Псковской области во второй половине XX – начале XXI вв. // Религиоведение. 2019. № 1. С. 59–66. (0,65 п.л.). Импакт-фактор РИНЦ 0,331.
16. Калинина О.В. Фактор границы в церковно-приходской системе Псково-Печерского края / Сетомаа // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт – 3. Девятые Шёгреновские чтения / Науч. ред. О.М. Фишман. СПб.: Свое Издательство, 2022. С. 225–235. (0,6 п.л.). Импакт-фактор отсутствует.